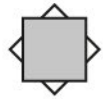
Борис
Екимов

ОСЕНЬ
В ЗАДОНЬЕ

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Е 45

Оформление обложки Виктории Манацковой

Екимов Б.
Е 45 Осень в Задонье : роман / Борис Екимов. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2027. — 352 с.
ISBN 978-5-389-35128-8

«Осень в Задонье» — одно из главных произведений в творчестве писателя Бориса Екимова. Это история о силе духа, о корнях, связывающих людей с родной землей, о вере и о том, что самые жестокие испытания и трудные времена не в силах истребить в человеке желание жить по совести и беречь то, что дорого сердцу. Екимов с удивительной силой и яркой образностью описывает Задонье, где человек кажется таким маленьким на фоне бескрайнего горизонта. Но среди этой красоты чувствуется и полынная горечь: без человека земля одинока. И возделывать ее — это не только способ выжить. Герои Екимова — это прежде всего люди труда, и труд — мерило человеческого достоинства, в нем заключена и тихая гордость, и внутренняя сила, и духовная опора.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Б. П. Екимов, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-35128-8

ГЛАВА 1

Молодым летом, за неделю до Троицы, в далеком глухом Задонье, на хуторах, свой век доживающих и вовсе ушедших, — Большой Басакин да Малый, Большой Голубинский, Евлампиев, Зоричев, Теплый, Венцы да Ерик — не одним разом, но объявлялись машины и люди приезжие из окружной станицы, районного городка и даже из областного центра. Правились они не к жилью хуторскому, остатнему, не к руинам, а на кладбища, к родным могилам, подновляя их, прихорашивая свежей краской, бумажными цветами, венками.

Подступала Троица — праздник великий для всех живых и ушедших, а для здешних краев еще и свой, престольный, с давних лет самый чтимый в округе.

Во времена прошлые возле хутора Большой Басакин, на прибрежном высоком кургане, на самой вершине его, из-под каменных плит бил могучий трехструйный родник с просторной каменной чашею, из которой мощным шумливым потоком по каменистому руслу вода устремлялась вниз, к недалекой речке.

Когда-то, в пору вовсе древнюю, в этих краях бушевали подземные могучие силы. Легко поднимая и разрывая песок да глину, выпирали наружу,

вздымались, дыбились, порою рушась, огромные серые каменные плиты да белые меловые. Тогда, видно, и появился этот могучий диковинный курган с мощным родником на вершине, с каменными да меловыми выходами и глыбами.

Долгие годы — сотни, а может, и миллионы лет — земные и небесные воды, вечный ветер промывали и пробивали в навалах и выходах мелов и камня узкие щели, проемы, арки, потаенные пещеры да гроты. Там и здесь словно созидались на кургане и рядом островерхие каменные пирамиды, колонны да башенки, арки. Порой не верилось, что все это не человек создал, но природа и долгое время.

Именно здесь, на вершине кургана, возле родника, и была когда-то найдена, объявилась икона Задонской Божией Матери. С той далекой поры курган называться стал Явленым, как и родник. Там поставили часовню из камня-плитняка, на высоком фундаменте. Возле нее ежегодно свершался молебен, на который съезжался и сходился народ со всех хуторов и станиц, окрестных и дальних. Из мест далеких народ разный стекался заранее: молельщики, старцы, юродивые, калеки да болящие, чающие исцеления. В ближних селеньях их привечали едой и ночлегом.

В канун Троицы округа просыпалась в ночи, ближе к рассвету, вскипая, словно потревоженный муравейник. Со всех сторон к Явленому кургану тянулись вереницы пеших людей, конных и воловьих повозок, телег, бричек. Окрестные хутора в этот день пустели. Зато в Большом и Малом Басакине и вокруг Явленого кургана приезжие теснились

кучно; лесом вздымались в небо дышлины да оглобли.

А народ все прибывал, пылили дороги.

Не зевали торговцы, заранее разбивая возле кургана и речки свои палатки с булками, пряниками, кренделями, орехами, сладкими цареградскими рожками, конфетами, морсом да лимонадом на льду. Торговля шла бойко.

Но главное, конечно, служба и общий молебен. Священство, певчие приезжали не только свои, станичные, но из Калача, Пятиизбянской, Нижне-Чирской, из знаменитого Новодонского монастыря, и, конечно, приходили и монахи, и старцы-отшельники, которые спасались в пещерах и кельях Явленого кургана, в Церковном провале, на Скитах.

Крестный ход, многолюдный, с иконами да хоругвями, с Явленой Задонской Богоматерью, свершался вокруг часовни. Потом была служба, освящение родника, омовение в водах его. А потом — просто людской шумный праздник: свой, престольный, и всеобщий — Святая Троица.

При советской власти часовню убрали. Высокий фундамент даже взрывали, чтобы навовсе искоренить, как говорили в те времена, «религиозный дурман». Тогда же пропал Явленый родник: один за другим истончились, а потом иссохли три светлых ручья, какие бежали из-под плит песчаника. Потрескалась каменная чаша, заросла полынью. В ту же пору из станичного храма исчезла хранящаяся там явленная икона.

Праздник кончился. Но еще долго на Троицу украдкою, чаще ночной порой, приходили на Явленый курган помолиться старые люди и старые же

монахи из пещер. Советская власть монахов пыталась выкурить, но не смогла. Говорили, что там, на Явленом кургане, на Скитах, в Церковном провале, под землею не только кельи, часовни, но и длинные, на много километров ходы, ухороны, потайные лазы и даже подземный настоящий Троицкий храм. Ведь устроением подземной обители в свои последние годы занималась знаменитая в донских краях игуменья Ардалиона. По преданию, туда она и ушла, оставив мир.

С дурманом и поповщиной долго сражались хуторские активисты: Мосейка Рулян, Дюня — «партейный глаз», Петя Галушка, пытаясь поймать главных врагов — монахов-молельщиков. Они окружали курган да подкрадывались, но всякий раз возвращались на хутор ни с чем. Молельщики исчезали, словно уходили под землю. Может, это были вовсе не люди, а одни лишь виденья.

Серьезней боролись с «монастырщиной» госбезопасность да военные. Они устраивали облавы, взрывали найденные ходы, кельи, пещеры.

Все это было. И ушло. Поросло былью и небылью. Но старые люди говорили, что на большие праздники у Явленого кургана из-под земли слышен колокольный звон и церковное пение. Порою в этом краю, чаще в ночное время, вроде бы появлялись люди ли, призраки...

А еще долгие годы, нечасто, но в положенный срок, в прежние времена, потаясь, кружила по хуторам окрестным повозка: смирная лошадка, дощатый короб с брезентовым верхом, возница — монах ли, старец в сером балахоне с клобуком, лицо

закрывающим. Он не просил подаянья, объезжая за хутором хутор, но собирал людей на молебен. Поднимался брезентовый полог повозки, открывая невеликий иконостас. Возница, сняв серый балахон, оказывался в черном одеянии с белыми нашитыми крестами на груди, на спине, на клобуке. Обычно молебен свершался на месте порушенных часовен, на кладбищах, в станице — у стен обезглавленного храма. Монах объезжал дома, усердно молясь возле хворых, пользуя их святой водой да святыньками, при случае — соборовал, детишек крестил.

Так продолжалось долгие годы. Конечно, потаясь, ухороном. Порой повозку с возницею ловили местные власти, в райцентр отсылали. Но через время снова появлялась в округе лошадка с повозкой, при ней — возница в балахоне, лица не видать, лишь борода торчит.

Откуда приезжали монахи с повозкой и куда пропадали, никто не знал. Но даже в трудные годы в повозку всегда клали что могли, не скупясь: муку ли, пшено, кукурузу, картошку, другие харчи. Старые люди говорили, что посланцы эти из подземного монастыря, который жив и теперь.

В годы послевоенные, нелегкие хуторская ребятня скот пасла, работала на бахчах да плантациях и по округе мыкалась с весенней поры до снега, добывая немудреную еду: птичьи яйца, сусликов, лук-скороду, корни козелика, дикие яблоки, терен и прочую зелень. Те, кто постарше да посмелей, искали оставшиеся после войны блиндажи, подбитые танки, в которых попадалось съедобное — немецкие консервы, галеты или иное: часы, бинокли,

мешки, плащ-палатки, парашютный шелк — все годилось в хозяйстве. В эту пору детвора натыкалась на пещеры в Церковном провале, на Скитах, возле Явленого кургана. Конечно, ни еды, ни трофеев там не было. Лишь подземные ходы, кельи, порой обшитые деревом или обложенные камнем. Там были лавки, спальные нары, столы и много икон, крестов. В ту пору нравы были строгие. Ребятня в пещерах не бедокурила, а извещала о них людей старших, которые приходили, забирали иконы и обрушивали, заваливали ходы, чтобы никто не лазил, не осквернял святое место. И конечно, за детей боялись: подземные ходы да кельи — дело опасное. Ходили слухи, что тянутся эти ходы до самого Дона.

В годы нынешние хутора быстро безлюдели, вовсе расходились, доживали в них одни старики. Некому было колесить по округе. И повозку с монахом давно не видели.

Зато объявился другой народ, расспрашивая да выведывая про подземный монастырь, о котором в Большом Басакине никто и ничего толком уже сказать не мог. Даже набожный дед Савва, который за веру много страдал — тюрьмы, сибирская каторга, — молчал. Ничего от него не добьешься.

А еще в годы последние на Троицу на хутор Большой Басакин свой народ стал съезжаться, вспоминая старину, казачий род, молодость, родные края и родные могилы. Басакины, Атарщиковы, Неклюдовы приезжали целыми семьями, загодя, с ночевой. Сначала растекались по когда-то просторному хутору и всей округе, проведывали хутор-

ские кладбища и родовые, угадывая с трудом, искали и находили, показывали детям и внукам затравевшие бугорки да канавки, остатки задичавшего сада или одинокую корявую грушу-дулинку на месте родовых дедовских подворий. Вспоминали. Роняли слезу.

Проведывали Гиблый курган — страшное место, куда в тридцатые годы со всей округи власти сгоняли народ перед сибирской высылкой. «Кулацкий поселок номер два» называлось это место официально. Туда привозили и пригоняли людей осенней да зимней порой на голое место, в пустую степь. Морили голодом, холодом. Народу там полегло — что травы. Особенно старых да малых. Но ни могил на том месте, ни крестов. Венки да цветы приезжие клали на землю. И боялись по ней ступать. Там — родненькие лежат...

Поминали. Молились.

А потом просто отдыхали на воле: рыбачили, купались, собирали троицкие пахучие травы. И конечно, радовались жданным и нечаянным встречам с земляками, близкой и далекой родней, порою уже подзабытой.

По новому же обычаю в канун Троицы всем известный Аникей Басакин — последний хуторской жилец из молодых — ставил на речном берегу, возле Явленого кургана, большую армейскую палатку, готовил костры и котлы, чтобы угостить земляков казачьим «полевским» хлебовом с бараниной, луком, пшеном, а еще, как положено, троицкой яишней, и приглашал из станицы старого священника.

Год от года народу съезжалось все больше.

Одних лишь Басакиных — счету нет. Станичные Федор Иванович, Егор Фатеевич со взрослыми уже детьми да внуками. Районный землемер Тимофей Иванович, у него три сына, старший — летчик, полковник. Чапурины, Пристансковы, Хныкины — коренные роды, здешние. А еще голубинские, набатовские, евлампиевские, ильменские: Калмыковы, Гуляевы, Детистовы, Карагичевы... Из областного города приезжали, из районного центра, из Москвы, Питера, других городов далеких, порою даже из Сибири, куда в годы лихие целыми хуторами высылали расказаченных да раскулаченных.

Одним словом, на Троицу в стороне задонской, обычно пустынной, возле хутора Басакина, у кургана да речки становилось людно. Машины, цветные яркие навесы, полога, шумливая детвора, радостные встречи, разговоры — все это живило округу.

А еще и свой батюшка подъезжал, из города, отец Василий, молодой, тоже из басакинских, привозил он дьякона да певчих.

Служили молебен на кургане, возле бывших часовни да родника. Молились. А потом продолжали праздник. Выпивали понемногу и не все: впереди — дорога. Зато истово хлебали свежую уху да пахучий кулеш с бараниной, разговлялись троицкой яишней — за то спасибо Аникею, он в этом краю теперь за хозяина.

Детвора да молодежь купались, рыбачили. Люди постарше мирно беседовали, поминая давнее, в котором горького было через край: высылки, войны, голод. Оттого и бежали. Но еще было детство, близкие люди, чьи могилки рядом, были юные годы,

которые утекли, и родная округа, которая в прежней поре.

Словом, есть о чем погутарить. Басакины ли, Нагайцевы, Подсвировы... Двоюродные да троюродные, вовсе седьмая вода на киселе, но — свой круг: «земеля», «годок», «односум»...

Вспоминали былое: свое и вовсе давнее, слышанное от отцов и дедов. Маркиан Басакин — лихой рубака, имел три Георгиевских креста. Как не вспомнить его, не помянуть. Могучий Титай Подсвиров, который, жалея быков, порой выпрягал их из тяжелого воза и брался за войё, тащил, приговаривая: «Конечно, тут быкам не осилить. Сам еле тяну».

И о нынешнем не больно сладкие речи. О том, что Дон без хозяина гибнет. Скоро не то что рыбы, лягушек да ракушек не останется. А ведь бывало... О стерляди, осетрах вспоминали, о пудовых сазанах, лещах и вовсе страшенных сомах, которые скотину, людей в воду утягивали, а гусей да уток живьем глотали. Нынче донские воды опустели, берега загажены, прибрежный лес рубят и жгут чужаки. Земля не пашется и не сеется. Захватили ее чечены, дагестанцы и прочий «кавказ», погубив заливные луга да займища. Вот он — огромный Басакин луг, который в старые времена сеном снабжал всю округу. Его берегли, скотину по весне на нем не пасли, даже на телеге здесь запрещалось ездить. А нынче чеченские отары, овечьи да козьи, превратили Басакин луг в пустую толоку. И не только луг. Курганы уже голые стоят: ни чабора на них, ни полыни — все козы выдрали.

Особенно горячился здешний житель Аникей Басакин, у него немало скотины и рыбная ловля.

— С одной стороны Вахид меня поджимает, — объяснял он, — с другой — Ибрагим. А мне, коренному, скотину пасти негде. На Дону — ростовские, шахтинские, вся Украина. Гуртом. Их никакие границы не держат, и тоже законов для них нет: все выдирают, вплоть до мальвы, загубили, загадили, — жаловался он, казачина крепкий, большерукий, и приезжих просил: — Наших сюда присылайте. Чтобы была подмога. Можно ведь и рыбацкую базу устроить, и охотничью, навести порядок, чужаков отвадить, своих приучить к порядку. Казаки... В городе ходят, с лампасами, — горячился он. — Сюда их присылайте. Сделаем конную школу, для молодых. У меня лошадки гуляют. Туристов можно возить. И работать можно, скотину водить, птицу. Дома у меня свободные. Задаром отдам. Живите, работайте. Своим я всегда помогу... Это наша земля, родная... Мы тут хозяева. Пашу Басакина жду. Военный человек, полковник. Он приедет, наведем порядок.

Аникеевы речи слушал народ приезжий, сочувствуя и одобряя, тем более что встречал он гостей не скупясь.

А народ приезжал непростой: майоры, полковники милицейские и даже армейский генерал из Москвы Чапурин, но тоже родов Басакиных; профессор из университета, начальники из района и области; серьезные бизнесмены: хозяин гостиниц и ресторанов Хныкин со взрослыми сыновьями, которые тоже при деле; Талдыкины да Черкесовы...

Все они чтили свое казачество, родство, гордились им, видели горький исход. Сочувствовали Аникею, порой помогали.

Но у каждого давно уже была своя налаженная жизнь, которую не поворотишь. Один лишь Павел Басакин, военный летчик, обещал, и обещал твердо. «Вот отлетаю и здесь поселюсь. Пригоним дебаркадер, на устье поставим, Иван Подсвиров тоже демобилизуется. Николай Черкесов... Наведем военный порядок. База рыбацкая, охотничье хозяйство, конноспортивный лагерь для молодых казаков», — планировал он уверенно. Но потом уезжал, как и все остальные. Уезжал, улетал в далекие страны: Африка, Индия. Уезжал, но долго помнил праздничный день: Троицу, Явленый курган, речные воды, терпкий степной дух, сердечные разговоры в ближнем кругу и, конечно, песни:

Кольцо казачка подарила,
Когда казак шел во поход.
Она дарила, говорила,
Что через год буду твоя!

Особенно хорошо получалось, когда привозили из райцентра голосистую Марковну да Ивана Переходнова.

Не для меня придет весна
И Дон широко разольется,
И сердце девичье забьется
С восторгом чувств не для меня.

Пелось и слушалось так хорошо, что даже сердце щемило:

Не для меня цветут сады...

А потом:

Пчелочка златая,
Что же ты жужжишь?
Жаль, жаль, жаль, жаль, жаль...
Вдаль не летишь.

Это уже весело, порой с плясом.

Славный получался праздник. Но недолгий. К вечеру разъезжались. Наутро будто и не было ничего.

Речка, просторный Басакин луг да задичавший Басакин сад, огромная речная долина, которая тянется на десятки верст, от Венцов, Голубинского, Теплого — когда-то хуторов людных, казачьих, — от балок ли, провалов Чернозубова, Сибирькова до Монастырского ли, Церковного, до Явленого кургана, Скитов и самого Дона. И везде — тишина, безлюдье.

Редкие гурты скота да овечьи, козьи отары. Машина порой пропылит. Это Аникей Басакин харчи своему пастуху повез и заодно выбирает места для покосов. Теперь — самое время. А может, кто-то из пришлых, свои ли, чужие.

Машина пробежит, уляжется пыльный хвост. И снова тишина, безлюдье. Лишь редкие нынче суслики посвистывают да черные коршуны сторожат поднебесье.

Тишина. Троицкие травы цветут, пахучие, терпкие: сиреневый чабор, розовый железняк, местами — шалфей, белый и желтый донник-буркун, пылит горькая полынь, стелются, словно текут ковыли, серебрясь на солнце. Кое-где на месте давно оставленных людьми хуторов, которых знак —

лишь могилки, там кресты, железные надгробья; на них недолго, но ярко светят цветы неживые, добела выгорая под жарким солнцем.

Эта память на короткий срок.

Долгую память храня, высится над степным покоем курган Явленый. Годами древний, но, как и прежде, могучий, он вздымается над водой и землей, словно огромный храм.

Именно так — храмом Господним — называла этот курган великая праведная старица, знаменитая игуменья Ардалиона, которую в годы прошлые знали все. В нынешние — немногие, но все же помнили, чтили. Потому что она была из этих краев, родом Басакинских, по отцу — Атарщикова.

Но все это тоже лишь долгая память.

ГЛАВА 2

Вечером солнце садилось в синюю тучу; недолго полыхал просторный багровый закат, а потом сразу смерклось, стемнело, как и положено в пору осеннюю.

По обычаю, Иван улегся спать рано и разом уснул, как всегда, за день намаявшись; но среди ночи проснулся: он чутко спал, тоже по здешнему обычаю. Нынче встревожил и разбудил его какой-то недобрый сон или необычный звук. Иван недолго полежал в постели, вслушиваясь и ничего не услышав, но все же решил подняться, выйти на волю — мало ли что... Фонарь зажигать не стал. Одежда была на привычном месте, искать не надо. Куртку накинул да сунул босые ноги в сапоги, дверь отворил и замер на пороге.

В тесном вагончике, жилье нынешнем, было темно, но привычно: стены, крыша, пол, любая вещь под рукой, лишь шагни да пошарь.

А через отворенную дверь вдруг навалились глухая темь и глухая тишь. Даже дыхание перехватило. За спиной — нажитое тепло, за порогом — тьма непроглядная, словно черная вода: ни земли, ни неба. Иван почуял тошнотворный обморочный страх. Раньше такого не случалось, сколько прожил здесь. А вот теперь... Рука сама собой потянулась к ружью,

которое висело рядом с дверью. Снаряженное ружье, от волков. Щелчок предохранителя, рука — на ложе. И сразу стало легче. Но темь кромешная и мертвая тишь никуда не делись.

Иван шагнул за порог и осторожно, будто впервые, спустился по ступеням на землю. Шаг шагнул, а дальше не мог. Снова подступил страх, оттого что за спиной уже не было прежнего оберега: стен и крыши вагончика. Но главное — близких людей нынче не было: жены, сына.

Лишь тьма и тьма. Сырая тьма и глухая тишь. Мерещилось, будто что-то недоброе, страшное таится рядом, подстерегая. Такое было лишь в далеком детстве: когда жили в своем доме, Иван боялся поздним вечером ходить в дворовый туалет. Темноты боялся и просил: «Мама, проводи...» Отец укорял: «Большой уже...» Но мама понимала. И вот теперь — хоть маму зови!

Впервые с тех пор, как поселился здесь, осязаемо, умом и сердцем, Иван вдруг понял, как далеко он забрался, в какую глухомань. За речкою, в двух километрах — безлюдный, брошенный хутор. А дальше — вовсе глухая тьма, на полсотни верст, во все стороны.

Верный помощник Дозор неслышимо вылез из-под вагончика и, встав рядом, звучно зевнул, клацнув вершковыми зубами. И сразу отлегло. Отступил тяжкий морок, возвращая обыденное: собака — здесь, жилье — за спиной, в двух шагах — скотьи базы, загоны. Там вся живность.

Страх отступил. Тьма оставалась прежней, но иным зрением Иван уже видел круг ближний, привычный: справа — густые заросли тальника, высоченные, с могучими кронами тополя да вербы

над речкой; бобровая заводь с прочной плотиной; слева — крутой обрыв Белой горы, кургана приречного, морщинистого, изрезанного дождевыми потоками. А между ними малый приют: железные вагончики, хозяйство — выгульные базы, стойла, сараи, птичники, сено да солома в скирдах да тюках. Приют человечий и скотий.

Все свое, своими руками строенное, лепленное, уже привычное. И потому даже во тьме без опаски и ощупки он обошел хозяйство, чувствуя, как с каждым шагом оставляет его невесть откуда взявшийся, словно детский страх. На открытом базу шумно вздыхали коровы, жевали жвачку. Заслышав шаги, сонно забормотал индюк, который вместе со своим семейством по летнему времени привык ночевать не в птичнике, под крышей, а на воле, на жердях огорожи, лисиц не боясь. Еще один хозяин — петух, некстати разбуженный, сердито заклекотал и прокукарекал, отмечая неизвестно что.

Петуший крик окончательно рассеял все страхи, виной которым то ли тяжкое сновиденье, а скорее недавний отъезд близких: отца, жены, сыновей.

Можно было идти досыпать. Дело осеннее, светает поздно, да еще и погода ненастная.

Протяжные далекие стоны, повторенные раз за разом, донеслись откуда-то сверху, с холмов. В ночи, во тьме звучали они жутковато. Иван понял: вот что его разбудило. Это был призывный клич лося-самца. Лосей в Задонье давно уже выбили. А этот, единственный, невесть откуда забредший, кричал и кричал по ночам, не слыша ответа и призывая не подругу, но гибель свою: выследят и застрелят.

В ночах прошлых, звездных, светлых от луны, сохатый кричал призывно, трубно. В ночи нынеш-

ней, сырой и мглистой, слышались в этом зове лишь печаль да усталость. Но для Ивана это был просто голос живой, знак ободренья. Прожив на белом свете тридцать пять лет, Иван в последние годы твердо уверовал, что не зверей да каких-то чудищ надо страшиться, а людей. Их надо бояться белым днем, а особенно ночью.

Но в этой задонской округе люди водились редко.

За речкой и просторным лугом, в двух ли, трех километрах еле дышит хутор с громким названием Большой Басакин. Людей в том Басакине на пальцах одной руки перечесть, все — ветхое старье.

Еще недавно там жил Аникей Басакин — сорокалетний крепкий мужик, которого знала вся ближняя и дальняя округа. Ивану он приходился троюродным братом. Далекая, но родня: по отцу, по фамилии, роду. Басакины коренились на этой земле издавна. Басакины сады, Басакины колодезя, Басакинские поляны, Басакин провал, Басакинские перекаты — эти имена и поныне живы. А еще хутора: Малый да Большой Басакин. Малый давно ушел, оставив после себя лишь память да заплывшие руины. Большой Басакин доживал свои последние дни. Теперь он лежал во тьме. Еще недавно в любую, даже ненастную ночь неяркий, но издали видимый купол огней поднимался над подворьем Басакина. Ранним утром оттуда слышался голос трактора. Теперь хозяин ушел, и над округой сомкнулась тьма.

Снова и снова, но теперь уже глуше издали доносился голос сохатого: стоны ли, зов. И тут же затревожилась, заволновалась птица. Забормотал

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

БОРИС ПЕТРОВИЧ ЕКИМОВ

ОСЕНЬ В ЗАДОНЬЕ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Полина Малышева, Полина Дроздовская

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 20.10.2026.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 18,48. Заказ № .

Изготовитель:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге,
195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші:
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербор қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербор, Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
https://certification.atticus-group.ru/.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-LMR-44614-01-R